

ДЕВУШКИ НЕ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Мано

Девушки не первой свежести

Надежда Нелидова

Мачо

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Мачо / Н. Нелидова — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», — (Девушки не первой свежести)

Мачо без женщины – нуль без палочки. Это они его придумали себе на голову: брутального, самовлюблённого, пошевеливающего мускулистыми плечами, снисходительно поглядывающего сверху вниз на спутниц жизни. Придумали, получили? Кушайте что хотели.

© Нелидова Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГОСПОЖА ИЗ САН-ФРАНСИСКО	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Надежда Нелидова

МАЧО

ГОСПОЖА ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Девушка, принимавшая заказы на междугородной телефонной станции, запомнила эту маленькую женщину в дорогой шубке, хрупкую, как статуэтка. Она была без головного убора, хотя еще стояли морозы. В пышных черных, сложно и небрежно причесанных волосах бриллиантовой крошкой блестели и дрожали капли растаявшего снега.

Лицо у нее было такое ухоженное, что казалось светящимся изнутри. В маленьких ушках покачивались сережки с невидными, прозрачными, как стекло, камешками. Но девушка, сидящая на заказах, знала, что эти камешки называются бриллиантами и стоят больше ее годовой зарплаты. После работы она иногда забежала в ювелирный магазин напротив и простаивала у прилавков, по очереди мысленно примеряя на себя сверкающие драгоценности с черного бархата под стеклом и привлекая суровые взгляды охранника.

Девушка на заказах не так давно занимала это место и не устала в свободное время разгадывать и сочинять разное про абонентов. Теперь ей думалось, что маленькая изящная женщина непременно запросит что-нибудь такое: Варшаву, Париж, или Сан-Франциско... Выдумка ей понравилась.

Женщина в шубке заказала уральский со смешным неразборчивым названием. Когда по микрофону объявили, споткнувшись на названии, поселок, она быстро пробежала, стуча каблуками, душисто опаживая сидящих полами шубки.

* * *

Женщину звали Елена Андреевна. Родилась и выросла она в том самом уральском поселке со смешным названием. Когда Леночка долго не засыпала, мама, не зная других историй, рассказывала одну и ту же, про день дочкиных крестин, очень похожую на сказку про принцессу и фей.

У матери Елены Андреевны было семь сестер, и все были пристроены в приличные места: кто в общепите, кто в торговле, кто на складе. Только младшая, рыжая Эмма, была позор семьи: непонятно на что, где и с кем жила. Съехавшиеся на крестины племянницы сестры не поскупились на богатые подарки: кроватку с тюлевым пологом, платица в кружавчиках, пупсиков, мягкие игрушки, кукольную посудку, погремушки...

И тощая, как кошка, Эмма, которую никто вообще-то не звал, потому что даже точного адреса ее не знали, тоже приволоклась. Развернула газетный сверток, вынула маленькое белорозовое махровое полотенчко. Конечно, барахло, made in China, после первой же стирки расползется, полиняет, а все равно молодец. Полотенце было сплошь вышито иероглифами. Эмма у всех путалась под ногами, объясняя смысл надписи: дескать, если новорожденную утереть этим полотенцем, она станет писаной красавицей с личиком белым, как снег, щеками румяными, как заря. Но Эмма очень скоро вышла из строя, перебрав крепленого, и прикорнула на диване. Тем не менее, новорожденную уже без ее участия торжественно умыли и, несмотря на протесты и крики малышки, крепко, с ритуальными приговорами утерли полотенцем.

Дешевый подарок Эммы, как и следовало ожидать, быстро потеряло товарный вид. Им стали подтирать Леночкину попку, а вскоре и вовсе то ли разрезали на подгузники, то ли пустили на тряпки. А Эмма лет через пять вообще исчезла, говорили, уехала с очередным уса-

тым ухажером, торговцем виноградом, куда-то в дикую горную республику, и больше не появлялась. Для порядка объявляли во всесоюзный розыск, да куда там. Кошка, она и есть кошка.

«Зато ты у нас теперь самая беленькая, самая славная девочка», – говорила мама, и это была правда. Леночка улыбалась, крепко закрывала глазки и не просыпалась до самого утра.

Мать Леночки работала закройщицей в районном быткомбинате. Не лишенная приятных внешних данных, в молодости она мечтала уехать в Москву и стать манекенщицей. Но, родив, остепенилась и посвятила себя целиком воспитанию ребенка. Она не читала педагогических книг и не слушала педагогических передач по радио. Просто она как умела готовила Леночку к семейной жизни.

Пока Леночкины одноклассницы, хорошистки и отличницы, грызли гранит науки, изучали виды и подвиды парнокопытных, зубрили спряжения и вычисляли интегралы, безжалостно снова и снова заставляя жюри на олимпиадах восхищаться их вундеркиндовскими способностями, серенькая троечница Леночка потихоньку училась вязать свитерочки и салфеточки, печь тающие во рту «муравейники» и «полосатики», танцевать в районном ДК бальные танцы и петь под гитару слабеньким, но приятным голоском.

Когда умницы-разумницы одноклассницы, получив под туш и аплодисменты свои медали и красные аттестаты, через полчаса на танцах подпирали сутулыми лопатками стены, Леночка со своими смоляными кудряшками, в миленьком, пошитом ею самой платице, была просто нарасхват. Когда одноклассницы, студентки уже, корпели над учебниками и курили в университетских туалетах (кое с кем из сокурсников уже завязывались робкие романы, и даже была одна ожидающая ребенка пара, которая, не веря в собственное счастье, приняла от коменданта общежития ключ от комнаты в конце коридора у туалета), в это самое время Леночка прописалась у бездетной столичной тетки, устроилась в райвоенкомате делопроизводителем, где успела встретить (производил с целой свитой офицеров проверку), страстно влюбить и женить на себе бездетного вдовца сорока пяти лет, военнотружаша в чинах. Пройтись по улице Горького под руку с седовласым величественным мужем – это было не с курсантиком прошвырнуться по улочкам родного городка.

И поселилась Леночка в лучшем районе столицы, в квартире с паркетами и высокими потолками, в розовом доме с башенками, взметнувшимися под самое небо, как и полагается принцессе.

В один из своих приездов мать, под старость вновь игравшая в восторженную девочку, капризно пожаловалась, что у нее не все хорошо со здоровьем, районные врачи рекомендуют жить поближе к столичным профессорам.

На это Леночка, вернее, Елена Андреевна, отставив позолоченную ложечку, которой насыпала заварку в серебряный чайник, с таким изумлением взглянула на мать, что та живо осеклась.

* * *

Елена Андреевна нигде не работала. Муж был на девятнадцать лет старше ее. А чтобы старый муж, генерал, носящий Геройское звание, заставлял юную хорошенькую жену зарабатывать на хлеб – это, знаете, и слов нет, в это никто и не поверит.

Поэтому о работе и о тех, кто ею занимался, у Елены Андреевны было смутное представление, вроде как о некоей колеблющейся производственной массе, как о сером тумане.

Когда в одиннадцать часов утра она нежилась в просторной, на полспальни, кровати и дикторы радио из соседней комнаты свежими жизнерадостными голосами сообщали об успехах на заводах и фабриках страны, о тоннах высококачественной стали и километрах крепкой пряжи, ей неизменно рисовалось одно и то же: громадный гулкий зал, грохочущие машины и

бедненькие человечки, все в комбинезонах, все на одно лицо, делающие что-то однообразное, непонятное и потому пугающее Елену Андреевну.

В эти минуты она особенно ощущала, как мягка и невесома пуховая перина, в которой утопало ее тело, как толсто и тепло верблюжье одеяло, каким тонким, свежим, душистым бельем она окутана. Елена Андреевна, балуясь, начинала энергично шевелить кончиками розовых пальчиков на ногах, блаженно сжимая и разжимая их, и тихонечко смеялась.

А ведь кто-то пять часов назад вставал по звонку будильника, выходил в черноту морозной ночи, садился в промерзший угарный автобус, а потом начинал работать – и это на весь день... Бр-р, с ума можно сойти!

Елена Андреевна была освобождена и от обязанностей домашней хозяйки. В доме мужа уже восемнадцать лет жила домработница – не какая-нибудь грубая деревенская тетка, а Лидия Михайловна, миниатюрная старушечка с сухими натруженными ручками, всегда в клеенчатом фартучке, в треснувших от старости, но начищенных лакированных туфлях, в капроновых чулках. Переделав утренние дела, она садилась с «Аргументами и фактами» в кресле в прихожей, ожидая хозяина, чтобы помочь ему снять шинель, расстегнуть китель, подать тапочки и горячий обед.

Но вы ошибаетесь, если думаете, что Елена Андреевна скучала. День ее был заполнен до отказа, и к вечеру она страшно уставала.

Все утро Елена Андреевна занималась гимнастикой. Каждое упражнение носило название: «гибкий позвоночник», «осиная талия», «упругая грудь»...

И эти часы были не только не утомительны, но, напротив, были ее любимым временем суток. После упражнений она с ало горящими от напряжения и холода щеками (балконные двери распахивались настежь даже зимой), с высоко подымающейся грудью, стояла, с наслаждением ощущая в себе каждую звонко поющую косточку, унимала и никак не могла унять дыхание.

К этому времени ее уже ждала ванна, которую готовила Лидия Михайловна, в воде нужной температуры были разведены шесть колпачков благоухающей французской пенки.

После ванны она запиралась в спальне, задерживала на окнах портьеры, включала бра – два розовых колокольчика, заливающих спальню мягким яблочным светом и становилась перед большим трюмо. Всего минуту стояла она перед ним, но этого было достаточно, чтобы зеркало в который раз было вынуждено признать:

Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее...

Нет, чем действительно могла гордиться Елена Андреевна – так это ухоженной, неправдоподобно, ослепительно белой, как свежеснеженный снег, кожей.

Бывая с мужем на вечерах, Елена Андреевна с жалостью и превосходством посматривала на окружающих ее красавиц: известных актрис, певиц, манекенщиц с лицами гладкими и неживыми, как маски.

Почти все эти женщины были давними пациентками института на Ольховке, где им периодически производились шлифовки и подтяжки (фу, какие противные слова), операции по удалению из одних мест и наращению в другие места жира и вшиванию под кожу силиконовых подушечек. Почти у всех у них хирургическим ножом были подправлены носы, уши, шеи и овалы лиц, так что натурального в писаных красавицах ничегошеньки и не оставалось.

Разговаривая, они с большой осторожностью разлепляли губы и никогда не улыбались. Ничего, кроме безусловного презрения, они не могли вызывать у Елены Андреевны, не собирающейся пошлыми уловками улучшать то, чем одарила ее природа. Улучшать было нечего.

Подруга Елены Андреевны, балерина, однажды увидела ее в спальне переодевающейся. Хотя и не любила, как все женщины, говорить комплименты другим женщинам, не удержалась и в своей полунасмешливой манере сравнила Елену Андреевну с роскошной жемчужиной, прячущейся в раковине. Раковиной она, по-видимому, называла спальню, из которой Елена Андреевна действительно редко выходила.

«И для кого же себя бережет Елена Прекрасная? Уж не для старичка ли? – она кивнула в сторону генеральского кабинета. – Дорогая, так нельзя, это неслыханный эгоизм с твоей стороны. Все мужское население столицы попадало бы к твоим ножкам, если бы тебя сейчас видело».

Елена Андреевна усмехнулась. Это было не для нее: суетность, ничтожность торопливых, краденых любовных утех, сомнительной чистоты постели в гостиничных номерах или на даче, дежурные стоны, изображающие страсть, мерзкие запахи, затем – сковывающий тело противный липкий страх, что муж узнает, не простит. Новые знакомства – новые страхи – а значит, новые морщины... Нет, нет, увольте. Превыше всего на свете были: Комфорт, Роскошь, Покой. И на все это Елена Андреевна имела безусловное право: она честно завоевала себе место под солнцем, купила его, время от времени продавая старому мужу молодое, ослепительное тело. И чтобы тело ценилось как можно дороже, его нужно было ежеминутно холить.

* * *

После завтрака (овощи, зелень, простокваша) приходило время масок из трав и ягод. Маски приготавливались отдельно для лица, для кожи под глазами, для шеи, рук, губ в специальных фарфоровых ступках. Елена Андреевна сама мыла и сушила ступки и марлечки.

Она лежала с маской на лице, опустил кончики пальцев в положенные с двух сторон у тахты на полу чашки с подсоленной, с добавлением лимонной кислоты водой – для укрепления ногтей. К большой досаде Елены Андреевны, ногти ее были не миндалевидной аристократической формы, а круглые и мягкие, как у ребенка, с белыми лунками.

Незаметно наступал полдень, а с ним и обязательный полуторачасовой сон. Так как Елена Андреевна привыкла держать уголки губ слегка приподнятыми, она не забывалась и на время сна и спала, приятно улыбаясь.

А ближе к вечеру – если муж был занят, а так оно почти всегда и бывало – можно было съездить к балерине. Или посвятить эти часы езде по магазинам, или встречам с косметической Людочкой, чье личико, возможно, единственное в Москве, могло соперничать белизной с лицом Елены Андреевны. Или повертеться у зеркала, примеряя очередной платъе у портнихи Зои, с которой Елену Андреевну свела балерина, представив Зою как «гениальную женщину».

Зоя работала портнихой-надомницей, однако же по выдумке и мастерству исполнения могла дать сто очков вперед любому модельеру. Как все гениальные личности, Зоя потихоньку спивалась.

В последнее время при разговорах с портнихой Елена Андреевна незаметно отворачивалась и сдерживала дыхание. Ничего не поделаешь, ей приходилось выслушивать отдающее смрадом бормотание Зои об одном и том же: что, наконец, ею раскрыт страшный заговор: эти геи-модельеры имели тайную сатанинскую цель – уродовать, безобразить бессловесных бедняжек манекенщиц. Нет, что они вытворяли, как только не издевались над ними, а?!

Обертывали бедняжек в куски ткани, в которых на спине или ягодицах ножницами вырезали дырки, на голову надевали какое-нибудь украшенное перьями ведро. Потом сбежавшая кучка коллег нетрадиционного направления поднимала восторженные ахи и охи, щелкала фотоаппаратами, с умным видом обзывала эту пакость «произведением искусства», «элитарной модой» и «эксклюзивным вариантом» и везла за границу к таким же восторженным идиотам. Спрыгнув с подиума, девушки с удовольствием стягивали с себя «эксклюзивные вари-

анты» и прочие плоды больного воображения и бежали одеваться у нее, у Зои. Появись они на улице в этих самых «эксклюзивных вариантах», их бы через пять минут увезли в психушку.

Зоя очень уважала Елену Андреевну – не за то, что та не скупилась и в срок оплачивала заказы, и не за то, что в трудные моменты жизни ссужала портнихе небольшие суммы денег, тут же деликатно забывая о них.

Нет, Зоя профессионально ценила в Елене Андреевне ее внешние данные, ее фигурку, на которую руки сами просились шить. Не то что прочие генеральские жены, к тридцати годам распускавшие себя донельзя. Да она (вдохновенно врал Зоя) ни за какие сокровища в мире не возьмется обшивать их, лучше чехлы на кадушки строчить. Другое дело Елена Андреевна. Все в ней выточено: тут талия, тут попка, а тут бюст – точь-в-точь разрезанный на половинки тугой, недозрелый еще персик. Ей-богу, уж она, Зоя, в персиках знает толк, все-таки южанка.

* * *

Елена Андреевна искусно избегала беременности до тех пор, пока муж не сказал: или-или. Он, в отличие от нее, детей хотел иметь очень (единственный сын от первой жены умер в детстве). И Елена Андреевна покорилась, зная, что ее мягкий уступчивый муж в определенных жизненных вопросах был непоколебим.

Елена Андреевна не хотела ребенка не столько оттого, что у нее могла испортиться фигура – а она, повторяем, любила и берегла в себе все, достойное внимания. Дело в том, что она боялась и не понимала маленьких детей. Их поведение было поведением маленьких человеческих зверьков, и никогда нельзя было угадать, что зверьки предпримут в следующую минуту: вцепятся в тщательно уложенные волосы или начнут целовать слюнявыми, липкими от конфет ртами. Они были опасны, опасны были их головки и лапки!

Однако муж требовал – она через семь лет совместной жизни забеременела. Но она негодовала из-за насилия, произведенного над ней, желала изо всех сил, чтобы беременность протекала трудно, с осложнениями, чтобы муж видел, как вредна для ее нежного организма такая нагрузка. Однако беременность была легкой, и живот у нее был незаметный, аккуратненький – не живот, а животик.

Понемногу она свыклась с предстоящим появлением третьего в их семье, только ей непременно хотелось мальчика. Елена Андреевна ко всему женскому полу, по годам моложе ее (это распространилось бы и на дочь) испытывала неприязнь. Все девочки были лживы, корыстны, непонятны.

Другое дело – мальчик. Она прекрасно воспитает его, отдаст в английскую школу, он будет называть ее милой мамочкой. А когда вырастет и превратится в интересного белолицего черноволосого юношу, и когда они будут танцевать на вечерах, все примутся ахать и удивляться: какая молодая мама! Или даже будут принимать их за брата и сестру, за жениха и невесту.

Роды были легкими. Разумеется, родилась девочка. А Елена Андреевна в роддоме делала маски из собственного молока, и цвет лица получался необыкновенным.

Муж возился с девочкой все свободное от службы и чтения время. Елена Андреевна немедленно возобновила капризы, заболела всяческими выдуманными болезнями. Она почти ничего не ела в последнее время, этим быстро добившись прежней миниатюрности. В первую же очередь по выходе из роддома она туго перевязала свою персиковую грудь и объявила, что у нее пропало молоко.

Ребенок не отнимал времени у Елены Андреевны: муж и домработница полностью освободили ее от этого. И она до поры до времени почти забыла о существовании дочери на свете.

Пока неожиданно ей не пришла в голову мысль сделать из девочки Совершенство, нечто сверх меры женственное, изящное, очаровавшее бы в будущем всех: Венеру XXI века. Она

уже воображала ее, к примеру, фигуристкой на льду. Представляла, будто наяву, как дочь, в блестках, в коротеньком серебряном платьице, под оглушительный рев многотысячной международной публики упадет в объятия мужеподобной усатой тренерши в перстнях и мехах. И рядом крупным планом покажут Елену Андреевну в мехах и перстнях не хуже тренерши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.